

УЧАСТИКАМ ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ПЕРЕДОВИКОВ СОРЕВНОВАНИЯ БРИГАД И УДАРНИКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Дорогие товарищи! Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо приветствует Вас и в вашем лице всех участников патриотического движения бригад и ударников коммунистического труда, славный отряд рабочего класса и колхозного крестьянства нашей страны.

Движение за коммунистическое отношение к труду, рожденное творческой активностью народов в канун исторического XXI съезда КПСС, за короткий срок превратилось в большую экономическую и моральную силу, стала школой массового трудового геронима и воспитания трудающихся. Ныне оно объединяет под своими знаменами уже свыше пяти миллионов тружеников города и деревни, идущих в первых рядах борцов за досрочное выполнение величественных заданий семилетнего плана. В соревновании за звание коммунистических вступают теперь целые цехи и предприятия.

Возникновение этого движения в период, когда наша страна приступила к развернутому строительству коммунистического общества, является закономерным и необходимым. Оно подготовлено всем ходом социалистического строительства, грандиозными успехами социалистической экономики, небывалым подъемом образования и культуры советского народа, ростом его благосостояния.

Коммунизм — живое творчество масс. Уже первые шаги рабочего класса нашей страны на пути строительства нового общества вызвали к жизни коммунистические субботники, названные В. И. Ленинским «великим почином». Сегодня сотни тысяч бригад и ударников коммунистического труда вступили в семилетку, чтобы учиться жить и работать по-коммунистически. Сбываются пророческие слова Ленина о том, что мы придем к победе коммунистического труда.

Главной особенностью соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда является то, что в нем органически сочетается борьба за достижение на основе новейшей науки и техники наивысшей производительности труда и воспитание нового человека — хозяина своей страны, который

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза

ЛЕНИН СМОТРИТ В ЗАЛ

Александр БЕК, Наталия ЛОЙКО

В эти дни под сводами Большого Кремлевского дворца часто звучит песня...

МАРМОРНЫЙ и одновременно стрепительный — художнику удалось схватить, передать в камне движение, порыв — Владимир Ильин Ленин смотрит из ниши в зал Большого Кремлевского дворца. Ниша этот зал заполнен передовиками соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда.

Ровно в десять минута в минуту, все увидели членов Президиума Центрального Комитета партии, увидели Никиту Сергеевича Кручуева. Гремящими долгими аплодисментами зал встречает руководителей партии и правительства, а также зачинателей движения за коммунистический труд. Важется, самый воздух зала прощает невидимым током, трогающим душу. В эти минуты остро ощущаешь единение партии и народа.

Первым с трибуны раздался звонкий голос Валентины Гагановой. Для всех, кто сейчас ее слышит, она, добровольно перешедшая из передовой в отсталую бригаду, — живое олицетворение коммунистической морали. Гаганова предлагает выбрать почетный президиум соревнования в составе Президиума Центрального Комитета партии. И снова плещет и плачет прибой аплодисментов.

Звучат чеканные фразы приветствия Центрального Комитета партии участникам совещания, произносимые Фроловом Романовичем Болзовым. Каждое слово, каждая строка отточены, словно оружие. Таким оно и станет, — это исполненное силы приветствие, — новым оружием несметной мирной армии коммунизма.

ПОЗНАКОМИСЬ с передовиками этой армии, участниками совещания. Воздергись от восхищения, от рушишегося на бумагу восхищения. Возьмем свои девизы и просьбы охного из тех, кто находится в зале: монтажника-бритадира из Братска Евгения Перетяко: «Пишите о нас скромней».

Был он, Перетяко, густой искрасивый коричневый загар покрыт здоровое круглое лицо. Такой загар не пропадет на летнем солнце, — морозы, ветры Сибири наложили свою печать. В карих глазах поблескивает огонек сдержанной энергии, огонек, выдающий внутренний жар. Такой же, рвущий наружу накал проглядывает в жесте склоненного взмаха рук.

Уроженец теплого благодатного Нальчика, Перетяко, привезенный в армию, служил в авиационной части. Потом был ранен, срока демобилизован.

— Попал, — говорит он, — под одно из сокращений численности Советской Армии.

— Почему же поехали в Сибирь?

— По призыву — молодежь в Сибирь!

Ему кажется, что он сказал достаточно.

Нет, мы не удивлены.

— Мыслил так, — продолжает он.

В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ:
★ Приветствие ЦК КПСС участникам совещания в Кремле.
★ Ленин смотрит в зал.
Статья А. Бека, Н. Лойко.
★ А. Лупан об участниках молдавской декады.
★ Воспоминания К. Чуковского о Макаренко.
★ Новости литературы и искусства.
★ Возможности и надежды. Статья Чарльза Сноу.
★ Анти Тимонен о наших финских друзьях.
★ Субботняя почта «Литературной газеты».

постоянно смотрит вперед, дерзает, думает, творит. Связывая воедино труд, учение и быт, это соревнование оказывает активное влияние на все стороны жизни и деятельности человека, является важным фактором стирания существенных различий между умственным и физическим трудом.

Коммунистическое отношение к труду, ленинский принцип коллективизма «все за одного и один за всех», лежащие в основе социалистических обязательств бригад и ударников коммунистического труда, становятся нормой поведения советских людей. Наибольший примером становления новых, коммунистических отношений является замечательный почин Валентины Гагановой и многих тысяч ее последователей.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что участники движения коллективов и ударников коммунистического труда будут еще энергичнее бороться за досрочное выполнение семилетнего плана, покажут образцы наивысшей производительности труда, будут и впредь упорно овладевать знаниями и культурой, воспитывать в себе лучшие качества людей нового общества, следовать высоким принципам коммунистической нравственности. Первейший долг всех партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, каждого хозяйственного руководителя — всемерно поддерживать и развивать это патриотическое движение наших дней.

Прекрасные дела ударников и бригад коммунистического труда, прокладывающих путь в будущее, войдут замечательной страницей в историю построения коммунизма.

Пусть день ото дня множатся ряды участников движения за коммунистический труд. Пусть ярче разгорается пламя социалистического соревнования за досрочное выполнение семилетки, за высокую производительность труда, за технический прогресс.

Да здравствуют участники славного движения коллективов и ударников коммунистического труда!

Да здравствует германский советский народ — строитель коммунизма!

Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 63 (4188)

Суббота, 28 мая 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

МОЛДАВИЯ — МОСКОВИЧАМ

Вчера в Москве открылась Декада молдавского искусства и литературы.

Молдавский Государственный театр оперы и балета в помещении Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко начал первый день декады опера Д. Гершельда «Грозовик». На спектакль присутствовали член Президиума ЦК КПСС, Министр культуры СССР Е. А. Фурцева, секретарь ЦК компартии Молдавии Е. С. Постовой, Министр культуры Молдавской ССР А. М. Лазарев.

Русский театр имени Чехова показал москвичам в здании Малого театра пьесу И. Попова «Семья». В Театре имени Евг. Вахтангова шел спектакль Молдавского музыкально-драматического театра имени Пушкина «Счастье мое» Л. Корняку и Г. Герекена.

Симфонический оркестр Молдавской государственной филармонии дал первый концерт в Зале имени Чайковского. С усаженном прошли выступления хоровой капеллы «Донбас» в Большом зале консерватории, ансамбля народного танца «Жок» в эстрадном театре «Эрмитаж», оркестра народной музыки «Флорица» в Кремлевском театре, коллектива художественной самодеятельности Молдавии в Доме культуры им. Ленина на «Грехорке».

Сегодня в Колонном зале Дома союзов состоится открытие литературной части декады. Председательствует на вечере А. Сурков. Вступительное слово А. Лупана. С чтением своих произведений выступят молдавские поэты.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

МЫ ПЕРЕСТУПИЛИ порог декады. Сердце бьется учащенно...

Андрей ЛУПАН

турная семья только недавно вошла в пологу пятидесятилетних юбилеев. Огонь Отечественные войны закалил следующее, теперь уже зрелое, поколение молдавской литературы: на военных, боевых путях рондались фронтовые произведения Якова Кукшевского, Петра Даринко, Федора Пономаря, Петра Крученко. Лучшим эпиграфом о солдатской судьбе, о подвиге народа звучат стихи погибшего на фронте учителя, поэта Симона Моспаня:

Верю я в недолгую разлуку,
Дома буду о войне писать.
Если правую утрату руку, —
Левую научусь перо держать...

Юношам я песни под порою —
Пусть хоть им они послужат впрок;
Что ж, коль вспомним и осталное.
Значит, все же людям я помог.

Значит, не напрасно сердце билось,
Песни дать Молдове я хотел...

Много их в груди моей теснилось,

Только написать их не успел.

Военная тема не ушла из нашей литературы. Ей посвящены недавние произведения бывших фронтовиков Александра Липкана, Самона Шлаху, Николая Муратова, Виктора Кочеткова, Юрия Чернова и других.

Декада — еще одно свидетельство братской дружбы молдавского и русского народов. На протяжении веков прослои и крепла эта дружба. Невозможно даже бегло перечислить все перевалы истории, где остались ее вечные памятники. В одной из первых книг молдавской письменности, вышедшей почти три века назад, сказано: «...от Москвы идет свет, прогиная длинные луки и добре им под солнцем»...

В центральном парке Кишинева стоит памятник Пушкину. Этот скромный памятник давно стал символом нашей неразрывной связи с могучей русской литературой. «Здесь, лирой северной пустыни оглашала, скандала я...», — эти слова, высеченные на постаменте, неоднократно пытались стереть буржуазные правители и фашистские оккупанты. Но мы боролись за пушкинский стих, как за свое право на жизнь и свет.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков — Михаила Эминеску, Иона Крическа, Василия Александри, Богдана Кашидзе, Алексея Руссо... Мы гордимся нашими традициями, тем, что нам сужено по-новому, в ярком цветении сегодняшнего дня развивать и обогащать их. Нам по-особому, по-родному близко школа русской советской литературы — школа Горького, крепко «сделанный» стих Дельмы, живая, отзывавшая, свежая поэзия Рожка и Крученко, вдумчивая речь Пушкина.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков — Михаила Эминеску, Иона Крическа, Василия Александри, Богдана Кашидзе, Алексея Руссо... Мы гордимся нашими традициями, тем, что нам сужено по-новому, в ярком цветении сегодняшнего дня развивать и обогащать их. Нам по-особому, по-родному близко школа русской советской литературы — школа Горького, крепко «сделанный» стих Дельмы, живая, отзывавшая, свежая поэзия Рожка и Крученко, вдумчивая речь Пушкина.

Все решительнее раздвигаются горизонты молдавской литературы, обогащается ее проблематика. Появляются новые таланты, новые писательские имена. Эпическое, социальное и психологическое — две изначальные основы реалистической молдавской прозы, заявившие о себе еще в произведениях классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам. Ион К. Чобану — автор романа «Кодры» — писатель эпического склада, он знает народную жизнь, атмосферу, быт старой и новой деревни; будто невзначай рисуются на фоне общей картины молдавского села неповторимые человеческие образы. Ион Друц — его сфера — человеческие переживания, сложный, тонкий строй душевной жизни. В повести «Георгий, вдовин сын», в рассказах, в пьесе «Каса маре» — глубокие «психологические узлы», становление нового советского человека. Проза Ариадны Шалдары, Веры Малевой — своеобразна, смелы, сатирические опыты Бусякова и, наконец, стихи самых молодых — В. Телеука, Г. Виера, П. Бощу, К. Шишлана...

Голос нашего поэтического племени звучит в общем хоре советской поэзии. Оно отдает читателя жар сердца, своеобразие дарования, чистый трудовой пот. Я убежден, что молдавская поэзия — хороший проводник и попутчик для всех, кто хочет узнать Молдавию и дух ее народа.

Все решительнее раздвигаются горизонты молдавской литературы, обогащается ее проблематика. Появляются новые таланты, новые писательские имена. Эпическое, социальное и психологическое — две изначальные основы реалистической молдавской прозы.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам. Ион К. Чобану — автор романа «Кодры» — писатель эпического склада, он знает народную жизнь, атмосферу, быт старой и новой деревни; будто невзначай рисуются на фоне общей картины молдавского села неповторимые человеческие образы. Ион Друц — его сфера — человеческие переживания, сложный, тонкий строй душевной жизни. В повести «Георгий, вдовин сын», в рассказах, в пьесе «Каса маре» — глубокие «психологические узлы», становление нового советского человека. Проза Ариадны Шалдары, Веры Малевой — своеобразна, смелы, сатирические опыты Бусякова и, наконец, стихи самых молодых — В. Телеука, Г. Виера, П. Бощу, К. Шишлана...

Все решительнее раздвигаются горизонты молдавской литературы, обогащается ее проблематика. Появляются новые таланты, новые писательские имена. Эпическое, социальное и психологическое — две изначальные основы реалистической молдавской прозы.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам.

Сегодня бессмертные творения Пушкина вошли в дома молдаван вместе с прекрасными книгами классиков. Эти начали ярко ощущаться и в сегодняшней молодежи. Но она идет дальше — к психологизму, к ярко очерченным характерам.

ЛЕНИН СМОТРИТ В ЗАЛ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

разных участков, надо было перезнакомиться, сдружиться.

Сообщи несколько рационализаторских предложений и заставили упрощенный автомат, который сперва расфасовывал не более ста килограммов в сутки, давать свыше трех тонн.

И при этом Аллы и ее подруги хватали сил, чтобы после работы участвовать в самодеятельности, добиваться спортивных разрядов, ставить рекорды или же в числе других дружинниц воевать с нарушителями порядка.

— А как учёбы, Алла? Вы же мечтаете учиться?

— А как же? (Это «а как же» — ее присказка). Все учимся. Я, например, в пищевом техникуме. Заканчиваю третий курс.

— И тяжело совмещать?

— А как же! В год пятнадцать контрольных, в каждой по двадцать вопросов.

— Но справитесь, конечно?

— А как же!

РУДНОЕ положение нашего брата, член-корреспондента. Но скажет ли читатель: вы описываете то, о чем мне уже известно. Но что делать, если героя (как не употребить этого слова, несмотря на обет скромности!) у нас стала привычной, повседневной. Хотется, чтобы это несли, заключали в себе наши неотшлифованные, сделанные на ходу записи.

Лидия Пантелеевна Сафонова дважды четыре года. Она давно окончила десятилетку и учится в университете, «университете двориков». Место ее работы — союз «Украинка», база научного института. Раз в месяц туда, под Харьков, съезжаются со всей области люди, будущие зоотехники. Сафонова готовится в заочный зоотехнический институт. «Помогают научные работники. Одна даже кандидат наук».

Лида увлечена своим делом. В ее ведении пятнадцать коров. Ни пастору — сколько бы ты не описывала, красно-белые. Если верить Лице, сплошь красавицы. «Корова любит ласку. Подойдешь сердитой — не даст молока. Повернется и так на тебя посмотрит...»

Продолжая годы Лида возглавляла животноводческую бригаду, но немножко завидовала подругам дворянкам, ухаживающим за «своими» коровами. И вот, когда подводили итоги пятидесятых девятого года, когда выяснилось, что с каждой фуражной коровы союз получила свыше пяти тысяч литров молока, она спросила:

— Можно, стану дядкой? Берусь дать по семи тысяч. Всему пятнадцать голов и с каждой по семи.

Минуло четыре месяца... Итог показал, что дворянка Сафонова уже находилась на две с половиной тысячи литров. По две с половиной с каждой рогатой красно-белой «головы», любящей ласку, уход и умело «приготовленный» ярким.

Обе участницы совещания — Алла, и Лида — занимали номер одной из больших московских гостиниц. На разных этажах размещены многие из товарищеских гостиных, без отъезда работает несколько мастерских лифтов. К подъезду то и дело подъезжают автобусы «Интурист», и вестибюль заполнен иностранным говором, загромождается на какие-то минуты множеством членовдов, честных от многочисленных налеков.

В лицах приезжих сквозят любопытство, а порой и настороженность. Что-то они разглядят, путешествуя по нашей стране?

Подымало сказать: «Будьте лишь внимательны, и вы сможете в любом наше краю, в любом углу разглядеть людей, которых не увидите на своей земле. В них — победа нового общества. Они — приговор капитализму. Будьте лишь внимательны и не злоречивы. Эти небывалые и отнюдь не кичливые люди и сейчас, спустя минуту, проходят мимо вас, поднимаются вместе с вами в лифтах».

БРЕМЕЛЕВСКОМ дворце встретили москвичку Валю Петрищеву, в гостях у которой — в общежитии прядильно-ткацкой фабрики имени Фрунзе — как-то прошли вечер. Валя знала многое, во всяком случае по фотографиям, должно замелькать в глазах. «Понимаете... Подводили итоги

ЭТО — КРАСИВО

Да, все здесь, безусловно, красиво и сделано со вкусом. Свитеры из искусственной шерсти и моднейшие туфли, кашемировые костюмы, бальзамы, туалеты, автомобили и цветные телефонные аппараты не трудно среди пяти тысяч экспонатов Югославской выставки товаров широкого потребления, открывшейся 25 мая в Москве Центральном парке культуры и отдыха имени Горького на территории, которой не радовало бы глаз.

Вместе с тем невозможные наити и экспонат, который вызвал бы у посетителя возглас удивления. Как же, что такое это ужасное? Начинаешь предполагать, что на «чехословацкой» выставке, на финской... Дело, видимо, в том, что производство товаров широкого потребления в последние годы находится под влиянием капиталистической пропаганды. Европейская, любая страна может показать сейчас узкоспециальные штукебелты или яркие расцветки джемперов из синтетического волокна. Что ж, если стандарт красоты — никто не против такого стандарта.

Но знаю, можно листавить книгу в один ряд с другими товарами широкого потребления. Во всяком случае, книга присутствует на югославской выставке, и это отдел выставил на мое внимание интересный факт. Еще бы! На корешках — дорогие нашему сердцу имена Ленин, Пушкин, Достоевский, Гоголь, Чехов, Маяковский, Горький, Фадеев, Шолохов, Федин... Трудно пересчитать, сколько интересных книг, которых издаются в Югославии, и притом — немалыми тиражами.

Думается, эта выставка будет иметь успех у москвичей, привлечет внимание широкой публики. Извлек из открытого министр СССР В. П. Зотов, экономический сотрудник международного сотрудничества, торги на открытии министра СССР и Югославии. «Советский Союз и Югославия — это одно из проявления политики мира и дружбы народов».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

28 мая 1960 г.

прошедшего года, и у меня оказалось четыре тонны продукции сверх плана. Это, понимаете, мой личный вклад в семилетку. Ну, я и подумала...

Вала же подозревала, что фабрика, комсомол, все, что окружало ее с тех пор, как она поступила сюда, в ФЗО, принуждало ее думать за всех. Государственно мыслить. Вот она и подумала, что хорошо бы каждому рабочему также внести свой личный вклад. «Вот бы и снизилась себестоимость...»

Подумала, посоветовалась с мастером, с подругами выступила с призывом. И стала инициатором соревнования, охватившего многие предприятия.

Право обратиться с призывом Вале Петрищеву завоевала личным примером. Она уже работает в счет 1965 года, она первая в цехе получила звание ударника коммунистического труда. Да и вся смена является brigadой коммунистического труда.

«Стараемся учиться?» Вала сейчас занимает десятый класс. «Стараемся работать без брака. И дружно жить в общежитии. И хорошо вести себя в быту.

«Стараемся» на языке Вали означает — «выполним».

Возвращаться в зал. В одном из рядов — стул сединой головы. Черный форменный китель железнодорожника, украшен красными с золотыми буквами значком — памятник, которую получила каждый участник совещания.

Знакомимся. Это Федор Константинович Федоров — начальник цеха коммунистического труда в локомотивном депо пассажирской станции «Харьков».

Биография Федорова. Родился в 1917 году в дни революционных боев. Сызмазил помогать матери, растившей шестерых.

«Фабайчик». Попошли времена — крабиноармеец, рядовой танковых войск. В армии вступила в партию. Великая Отечественная война. Великая победа. Военную форму майор Федоров, уже полиграфик; инструктор полиграфии дивизии, снял лишь в 1953 году.

Курсы переквалификации. И вот в локомотивном депо впервые увидела нового старшего мастера — коммуниста, человека армейской закалки, военного политработника, воспитателя бойцов.

— Попал штепоток, — говорит Федоров, — «этот задаст жару!» — Он улыбается. — Не знаю, как там насчет «жару», а старалась привлечь людей к себе. Хотел, чтобы они мне поверили.

Служебные Федорова — думает: такой объединяет людей. Чувствуешь его обаяние и крепость характера.

Освоение новых отечественных альбомов «ВЛ-23». Стала изучать эту новую технику.

— Я не говорил, что много знаю. Чего не знаю, тому, ребята, буду учиться у вас.

ЕЩЕ ОДНА черточка движения. Пожалуй, почти все они, кто сейчас заполнил этот зал, не только отличные мастера своей профессии, но и организаторы. Жилья организатора, умение справиться с многосторонним, полчаса точайшим делом, которое выражается понятием «организовать», это тоже разбежено, развито, воспитано в массах нашей революции, коммунистических сплотила всем колектив.

Вот Федоров. Он пришел в цех посланием партии. Начальник цеха он одновременно заместитель секретаря партийного бюро всего депо «Харьков». Энергия коммунистов сплотила всем колектив.

Как же результат? Время ремонта электроподъемников — ниже установленной нормы. Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Непрерывный поток рационализаторских предложений. Вся молодежь учится. Все, весь цех — дружинники.

Таков этот цех коммунистического труда — харьковского депо локомотивов.

— Мы всегда помним, что буквы «ВЛ» на наших локомотивах, — говорит Федоров, — означают Владимир Ленин.

Ленин. Мы всегда его помним. В выступлениях участников совещания сквозит мысль: это Ленин разглядел великое будущее в первых коммунистических субботниках. Это ленинская партия ведет нас от одной трудовой победы к другой.

Зал румпелет цифрами, оглашенными на совещании председателя ВЦСПС В. В. Гришиным. В движении бригад ударников коммунистического труда участвует более пяти миллионов человек. Соревнуется свыше четырехсот тысяч бригад, участков, смен и цехов. Вступают в соревнование целые коллективы предпринимателей и строек.

Кажется, высечененный в мраморе Ильин, чужие прислушиваются к каждому слову, звукающему с трибуны. Слушают и, радостно прищурясь, смотрят в зал.

Учтивые юноши тотчас же убежали к товарищам, среди которых было несконочно очаровательных девушек, и тут только я поняла, как скучно им было со мною, как хотелось им все это время воротиться к своей прерванной игре.

Антон Семенович дружелюбен и ласков: берет мою лягушку кошечку, ведет меня в проходную комнату, знакомит со своими домашними, уговаривает воспитательной дамой.

И все же я на первых порах ощущала в нем что-то начальственное, и это стесняет меня.

Но девочка, присидевшая вместе со мною, не чувствует ни малейшей стеснительности: получив большую скатерть дамы, она бесцеремонно караульная с воротником.

Сознание то появляется у меня, то исчезает опять, и, к сожалению, многое из того, что говорят мне Макаренко, доходит до меня в виде клочков.

Больше всего говорит он о Горьком. Горький для него — воплощение всего благородного, что только есть на земле. Даже голос меняется у Антона Семеновича, когда он произносит слово «Горький» — становится лирическим, певучим...

Я лежал в постели, и первый, когда я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Он казалось, он присутствует в зале, но не отдает призыва, и лицо его было бледно-серое.

Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Непрерывный поток разложений, на которых я сидел, и это делало меня в гостинице, и вот уже столько времени сидит у моего окошка, как сидела.

Сознание то появляется у меня, то исчезает опять, и, к сожалению, многое из того, что говорят мне Макаренко, доходит до меня в виде клочков.

Больше всего говорит он о Горьком. Горький для него — воплощение всего благородного, что только есть на земле. Даже голос меняется у Антона Семеновича, когда он произносит слово «Горький» — становится лирическим, певучим...

Я лежал в постели, и первый, когда я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Он казалось, он присутствует в зале, но не отдает призыва, и лицо его было бледно-серое.

Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Непрерывный поток разложений, на которых я сидел, и это делало меня в гостинице, и вот уже столько времени сидит у моего окошка, как сидела.

Сознание то появляется у меня, то исчезает опять, и, к сожалению, многое из того, что говорят мне Макаренко, доходит до меня в виде клочков.

Больше всего говорит он о Горьком. Горький для него — воплощение всего благородного, что только есть на земле. Даже голос меняется у Антона Семеновича, когда он произносит слово «Горький» — становится лирическим, певучим...

Я лежал в постели, и первый, когда я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Он казалось, он присутствует в зале, но не отдает призыва, и лицо его было бледно-серое.

Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Непрерывный поток разложений, на которых я сидел, и это делало меня в гостинице, и вот уже столько времени сидит у моего окошка, как сидела.

Сознание то появляется у меня, то исчезает опять, и, к сожалению, многое из того, что говорят мне Макаренко, доходит до меня в виде клочков.

Больше всего говорит он о Горьком. Горький для него — воплощение всего благородного, что только есть на земле. Даже голос меняется у Антона Семеновича, когда он произносит слово «Горький» — становится лирическим, певучим...

Я лежал в постели, и первый, когда я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Он казалось, он присутствует в зале, но не отдает призыва, и лицо его было бледно-серое.

Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Непрерывный поток разложений, на которых я сидел, и это делало меня в гостинице, и вот уже столько времени сидит у моего окошка, как сидела.

Сознание то появляется у меня, то исчезает опять, и, к сожалению, многое из того, что говорят мне Макаренко, доходит до меня в виде клочков.

Больше всего говорит он о Горьком. Горький для него — воплощение всего благородного, что только есть на земле. Даже голос меняется у Антона Семеновича, когда он произносит слово «Горький» — становится лирическим, певучим...

Я лежал в постели, и первый, когда я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Он казалось, он присутствует в зале, но не отдает призыва, и лицо его было бледно-серое.

Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Непрерывный поток разложений, на которых я сидел, и это делало меня в гостинице, и вот уже столько времени сидит у моего окошка, как сидела.

Сознание то появляется у меня, то исчезает опять, и, к сожалению, многое из того, что говорят мне Макаренко, доходит до меня в виде клочков.

Больше всего говорит он о Горьком. Горький для него — воплощение всего благородного, что только есть на земле. Даже голос меняется у Антона Семеновича, когда он произносит слово «Горький» — становится лирическим, певучим...

Я лежал в постели, и первый, когда я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Он казалось, он присутствует в зале, но не отдает призыва, и лицо его было бледно-серое.

Или единого случая брака. Или одной травмы. Или одного нарушения трудовой и технологической дисциплины. Н

Германия, 1945...

В РУССКОМ переводе этот роман стал называться красиво: «Солдат идет за пугом». В оригинале он назывался проще и лучше: «После войны». Елена С. Шляху опубликовал его, как ведущие молдавские критики повели вокруг романа всевозможный спор. Это знаменательно уже само по себе. Первая крупная весть писателя — «Товарищ Ваня», — имевшая в начале прошлого десятилетия успех споров не вызвала. Это была прозрачной, акварельной ясности поэзия о бессарабских консольцах-подпольщиках: даже патетические места звучали в ней подкупавшие просто и лирически. Об авторе установилось прочное мнение как о художнике вот такой бесхитростной лирической ясности. Более того, его манераоказалась в известной мере характерной для всей современной молдавской прозы: любопытно, что именно рассказы Шляху подтолкнули недавно критика И. Родинскую сделать вывод: «молдавские прозаики пишут в манере скромной сдержанной»; патетика их скорее внутренняя, чем внешняя; ими руководят любовь к обыкновенному человеку».

Новый роман С. Шляху с первого же чтения подозрительно точно укладывается в это критической ложе. Время действия — лето 1945 года. Тема — советские войска в Германии. Поводом для темы донельзя скромный, сдержаный, просто обыкновенный: крохотное немецкое село; советских оккупационных войск тут — четверо солдат и один сержант, да немецкий мюнхенский по пальцам пересчитать. Все — на «платочек», все предельно ясно. Сначала немцы затанцуют, боятся «зашибателей». Потом перед ними раскрывается моральная чистота нашего солдата. Советский солдат помогает им наладить жизнь: солдат идет за пугом. Как хорошо, кстати: пять советских воинов, пять национальностей — вспыльчивый татарин, сержант Асламов, добродушный украинский «батя» Кондратенко, мрачный польский еврей Юзеф, нежный лирический молдаванин Григорий Бутыру и русский Вася Краюшкин, обрисованный, правда, бледнее остальных. Автор вроде бы не задумывается над причинами отшумевшей войны, он развертывает светлую перспективу мира и дружбы: молоденная немка Кристель, дочь гитлеровского офицера, влюбляется в Григория и выбрасывает пыльцы с ядом, который на всякий случай вернула ей мать — озлобленная ревнивщица фрау Блаумер. Пузмек описывает другу и разбирается о броне танка, что уткнулся мордой в землю на склоне холма, ловкая жилость шипит по броне и испаряется в ярком сине небо... И кажется, что только теперь, пронзенный этой лирической стрелой, испускает дух давно подбитый гитлеровский «тигр».

Как легко все стало на своем месте: парос, лиризм, перспектива. Но споевстаки вониз! И под анализом другой стороны вдруг наращивается эта стройность, и замутнела эта милая синева и младенческая простота Шляху сразу показалась обманчивой. Полноте, только ли тишина наступила после войны? Нет! Начинается другая война — благороднейшая война за душу немцев. И едва мы приближимся к этому «слону» романа, как все стало остree, интереснее, современнее. И мыслей в романе оказались много больше, чем могло бы показаться с первого взгляда. И «индивидуальные характеры» патетических советских солдат вдруг перестали быть довесками к их «общественной сущности». Нежная доверчивость влюбленного Бутыру, дополнившаяся трезвым великолюбием «бати» Кондратенко, обрела новый смысл. И чуть иначе обрисовалась слепая жаждка мести, владевшая Юзефом Варшавским — жертвой нацистского террора; и где-то между ними, задумавшись, встал строгий сержант Асламов, который почтально думал, что немцам только хлеб нужен — «разговорами их не накормишь»... И к тем противоположным полюсам, на которых стоят в романе советские солдаты и зашившиеся ревнивщицы фрау Блаумер, мы должны теперь прибавить еще два полюса. На одном из них — недоумок, который кричит посреди деревни, замахиваясь автоматом на Валюю Краюшкину: «Когда мой завоевал — мы их или они нас!». Глянька сюда, — ..семидесяти трех патронов. Наку — и семидесяти трех фрицев как не бывало!». На другом полюсе — Хильда Кнаппе, седая девушка, обновленная нашими войсками из концлагеря: «Не все немцы виноваты, мондороге... то-варищи солдаты! Нет нет. Не все...»

История Хильды Кнаппе — одна из драматичнейших в романе. Первые же месяцы фашистской власти отняли у нее любимого человека. Хильда была молоденькой сельской учительницей, она стала бороться, как могла. Один из ее лучших учеников сделал маленький плотник и пустил по речушке, укрепив на прутке красный лоскуток. Плотник

Самсон Шляху. «Солдат идет за пугом». Роман. Кишинев, 1959.

Вышли в свет...

Антология молдавской поэзии. Гослитиздат. 553 стр. 7000 экз. руб. 30 коп. Баньян И. Стихи. Перевод с молдавского. Кишинев. «Карти молдовенас». 74 стр. 3000 экз. 2 руб. 20 коп.

Бирдакин Ф. Рассказы. Перевод с молдавского. Кишинев. «Карти молдовенас». 46 стр. 3000 экз. 2 руб.

Крученюк П. Лист зеленой винограда. Стихи. Перевод с молдавского. Издательство «Литературна библиотека «Огнено». 150 000 экз. 40 коп.

Луплан А. Порыв ветра. Повести и рассказы. Перевод с молдавского. «Молодая гвардия». 207 стр. 3500 экз. 4 руб. 50 коп.

Муратов Н. Опасные руки. Томик «Кипарис». «Карти молдовенас». 955 стр. 3000 экз. 2 руб.

Родионов А. Стихи. Перевод с молдавского. Глушко Н. Глушко. «Карти молдовенас». 40 стр. 3000 экз. 1 руб. 50 коп.

Юмористические рассказы и фельетоны. Перевод с молдавского. Кишинев. Партизан издат. 72 стр. 32 000 экз. 1 руб. 50 коп.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МОЛДАВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ * ПОГОВОРИМ О КИНОКОМЕДИИ * РАССКАЗ В. АМЛИНСКОГО * В МОСКВЕ * ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ

Картина художника М. Рисинского

Н. КЛАДО

ЛЮБИТЬ МАЛО!

КИНООБОЗРЕНИЕ

О любви и обязанности

Все любят смеяться. Почему же тогда так мало на экране особенно хороших?

Есть для этого немало причин. И организационных, и творческих.

Некоторые переоценивают незыблемость некоторых комедийных приемов. Они могут быть средством для открытия нового, противоречий жизни, диалогики ее движений. Я не против традиций и законов. Но плохо, когда из фильма в фильм переходят старые анекдоты. Сейчас на лучшем счету стали авторы, обладающие библиотекой и памятью. Как только поднимается разговор о необходимости создания комедии, выступают вперед те же 12 «главных», творящих парами, тройками: «Смешное — это мы» — говорят они и подставляют макиены разных национальностей для проигрывания одних и тех же острот, юмора. И какая белка бежит быстрее, та и лучше. Создавать такие комедии — труда кропотливого, но не творческого. Вместо того чтобы искать смешное в жизни и раскручивать его, используя весь арсенал накопленных приемов, лишь демонстрируя смигнули в один из них.

Л. АНИНСКИЙ

Богдан ИСТРУ

ВРЕМЯ

Думай —
Время лениво течет,
вокруг людей за собой влечет,
а им поддается слабо.

Мы, —
мы знаем Время счет.

Ведущим его за собой —
поеч!

Всему давшим его —
слава!

Проникшим в сковорищницу земли,
погонгим глубины и взлеты мысли,

ученым,

что звезды с высот низвели,

преодолев миллионы мили,

склонившему голову над челноком

доброму мастеру ткачества,

юной мичуринке с черенком

зимостойкого качества —

исем, кто берет свои рубежи,

Время,

спасибо скажи!

Я чувствую, как отдается в ушах

Время гулкий шаг.

Все, что в эпоху народ вдохнул,

передает этот гул.

Слыши —

прорезал мертвую тишину

корабль

в космических далях.

Слыши же зеленую песню крыши

в новых жилых квартирах.

Слыши молочную песню струй

в запотевших бидонах,

песни покорных скрипичных струн,

песни плотин бетонных,

и мы современники,

с вами иду —

с теми,

кто Время ведет в поводу.

Авторизованный перевод молдавского Тамара Жигуринской

«Комедия — ищет смешное автомобилистов последних кино- комедий. Вот сколько примеров.

1. «Черноморочка». За последнее время в театре очень подробно выяснились причины, почему эта комедия получилась такой плохой. Друг друга обвиняли автор

и постановщик.

Посмотрим, в чем

«Комедия — ищет смешное автомобилистов последних кино- комедий. Вот сколько примеров.

2. «Цветок на снегу». «Грузия-фильм». Режиссер Манагадзе. Мне не довелось прочесть этот сценарий. Но вот что происходит в фильме: герой — только что за- варивший вчера ветеринар. Он влюбляется в эстрадную актрису и, вместо того чтобы ехать работать в деревню, следует за ней в качестве администратора ансамбля.

Что же осеняет? Его любовь к певице. Что же восхищается? Когда он вдруг делает операцию заболевшей писсе — это поддается патетически. И он понимает, что либо более достойна внимания, чем эстрадница. Затем в этом фильме утверждается, что ткачи лучше, чем эстрадники. Люди, которые делают ветеринар на текстильной фабрике. В чем же мораль? В чем же комедия? Что же смешно? Видите ли... эстрадный ансамбль едет в Баку. Их встречают в костюмах, блестящие созданный М. Мироновой на эстраде образ переносится из комедии в кино. Кино идет по выпотианным следам эстрады. Комедия ставится не из жизни, а скомедий, обзорных эстрадных номеров. Ситуации украинского фильма «Годы молодые» повторяются в «Кате-Катоше». И... Да стоит ли все перечислять?

Сведение всех комедийных задач к показу

лического и интересного темы сценического

занятий.

Следует отметить, что

все эти приемы комедий

известны в театре.

Но вот что интересно: в

«Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

известны в театре.

Но вот что интересно:

в «Черноморочке»

все эти приемы

ОБРАЗНАЯ ПУБЛИСТИКА

НА ЭКРАНАХ страны демонстрировались выпуски кинохроники, шаг за шагом освещавшие все этапы исторического визита Н. С. Хрущева во Францию. И вот снова события этой поездки на экране. Но как непохожи кадры фильма «Встреча с Францией» на официальные, «протокольные» съемки кинохроники. Мы смотрим не хроникальный, а документальный фильм, включающий образы В. И. Ленина и кинематографеобразной публистики. «Встреча с Францией» Сергея Юткевича — фильм увлекательный, остроумный и патетический.

Это не отчет о поездке, а, скорее, заметки из записной книжки о встречах представителя нашей страны с простыми людьми Франции; заметки, сделанные одаренными и наблюдательными людьми. Они не торопятся угнаться за стремительным бегом машин, мчащихся советского гостя по дорогам Франции. Действие вдруг останавливается, чтобы уступить место раздумью. Нередко кинокамера отводачивается от того, что обязательно запечатлел бы хроникер, и показывает лицо ребенка. Дети проходят через весь фильм, светлые и темноволосые, застенчивые и любопытные, разговаривающие с советским гостем и улыбающиеся ему из толпы. Они создают образ будущего Франции.

Создатели фильма — режиссер и кинопраторы — сумели показать встречу Н. С. Хрущева с французским народом с тем редким и драгоценным качеством, которое С. Эйзенштейн называл «чувством кинематографа».

После первого же просмотра нам запоминается Париж, снятый так, как редко снимают для кинохроники. Париж в ожидании советского гостя, повисшись над водой мосты, туманная дымка над Саной, сияющая очертания собора на острове, влажные после дождя небережные, весенние цветение деревьев — все это заставляет вспомнить французских художников, запечатлевших любимый город: Писарро, Утрехт, Маркес. Конечно, это они вдохновили создателей фильма, и режиссер смело включает в фильм образы картин французских художников, перемешав ими документальные кадры города.

От эпизода к эпизоду, от кадра к кадру фильм воссоздает лицо народа, облик людей Франции, снятых любовью, изобретательно, мастерски.

Интересен монтаж картины. Вот кортеж

Режиссер С. Юткевич, операторы Д. Кацкий, А. Никольский, В. Третьяков, композитор А. Лонгинов, автор текста Г. Барковский, читает Л. Хмара, звукоператор В. Котов.

Ник. АБРАМОВ

В Москве открыта выставка «За мир», на которой представлены работы художников 22 стран. Слева — плакат польского художника В. Фангор-Хоржевского, справа — плакат французского художника Ж. Эффеля.

Друзья в Финляндии

ПИСЬМА, открытки, телеграммы, поздравления... Мы так привыкли получать их, что не представляем себе, какое одиночество испытывает человек, о котором никто не вспоминает, которому не шлют приветы, с кем не делятся мыслями и чувствами и который сам никому не может удалить ни счастья, ни печали, ни радости...

Когда писем на столе напоминала меня на мысли рассказать о некоторых зарубежных друзьях, я с полным правом называла их так, хотя они мыслят о многих вещах иначе, чем мы, живут другими интересами. Не согласны с нами во многих вопросах общественной жизни, философии, не так, как мы, расценивают место писателя и литературы в обществе. Но все эти расхождения не помешали нам сойтись, вести дружескую переписку, поздравлять с Новым годом, днем рождения, желать друг другу счастья и успехов.

Встретились мы почти год назад, в июле.

В Финляндии уже шестьдесят лет существуют так называемые «рабочие институты». В них учатся, правда, не рабочие, а мелкие чиновники, учителя, мелкие предприниматели, домохозяйки. Ежегодно они организуют летний курс занятий, сочетающий учебу с отдыхом...

Когда программа вечера подходила к концу, мы собирались в «комнате с камином». Здесь тоже была своя программа. Каждый обязан был или спеть или рассказать анекдот, забавный эпизод из своей жизни.

А потом, иногда после полуночи, эта чашка крепкого кофе начиналась встреча другого характера. Обычно задавали вопрос, что гость из СССР думает о той или иной лекции. Отвечать было легко: наше советское понятие о партийности и народности литературы следовало иллюстрировать преимущественно примерами из финской классической и современной литературы. Спорили горячо, с темпераментом: уставая, снова пели или рассказывали что-нибудь забавное, и снова спорили.

В моей памяти запечатлелась одна из первых лекций — лекция писателя Пентти Холаппа о жанре новеллы. На кафедре поднялся щегольски одетый худощавый господин. В отличие от некоторых других лекторов, свободно, подчас небрежно излагавших свою материю, господин Холаппа тщательно подготовился. И хотя он прочитал свой отпечатанный на машинке текст монотонно и довольно скучно, зато каждая фраза была продумана и отшлифована. Вот основные тезисы его лекции:

«Художник перестает быть художником, если он примешивает в свое творчество политику. Писатель может создавать настоящий искусственный мир, когда он стоит на классах и в стороне от политической борьбы. Есть два вида новелл — психологические и общественные. Психологические новеллы — это подлинное искусство, обще-

СЕГОДНЯ мы публикуем статью одного из крупнейших современных английских писателей Чарльза Сноу, посвященную в признание писателю, — говорит Сноу о себе. Сноу занимался научной деятельностью в Кембридже. Тридцать лет жизни он отдал писательству, будущему которого он видел в интересах современных английских писателей.

В ближайшее время Чарльз Перси Сноу и его супруга Памела Хенфорд Джонсон прибывают Советский Союз.

РЕДАЦИЯ «Литературной газеты» обратилась ко мне с просьбой поделиться своими мыслями о том времени, когда мы будем жить в условиях подлинного мира. Какие светлые перспективы открываются тогда перед человечеством? С радостью и гордостью откликаемся на эту просьбу. Даются, почти все то, что я мог бы сказать, уже многократно говорилось людьми добрыми. Но это неважно. Немало есть у людей скромных наяд, повторять которые не грех. Меня мало занимают «умники», стремящиеся оправдаться за счет правды. Я считаю, что полезно делиться друг с другом своими надеждами.

Для того чтобы человечество могло вздохнуть широкой грудью под чистым небом, необходимо подлинный мир. Я убежден, что у нас будет подлинный мир. Я уверен в правильности этого большего, чем правильности другого политического предсказания. Но мир не придет с сегодня на завтра сам по себе.

От всех нас потребуются усилия, терпение, непоколебимость перед лицом разочарований. Одной лобкой воли недостаточно, хотя никогда еще на земле было так много людей, столь страстно живущих мира. Но мы должны обеспечить и несомненно обеспечим его.

Но вот наступит мир, и что же тогда? Вряд ли надо говорить, что открывающиеся перед нами перспективы чудесны. Если рассуждать с точки зрения биологической истории, то род человеческий еще только начал жить. Прошлое, быть может, всего лишь полмилиона лет с начала эволюции наших предков. Если мы не уничтожим сами себя, то жизнь человека на нашей планете будет длиться еще тысячи миллионов лет. Лишь несколько тысяч лет назад люди начали заниматься земледелием. Только несколько веков прошло с тех пор, как совершилась научная, промышленная революция, которая к настоящему времени дает, по крайней мере, потенциальную возможность обеспечить всем людям пищи, медицинский обслугиванием, материальным комфортом. Сейчас мы, бесспорно, переживаем один из кульминационных моментов истории. Но некоторые из нас еще стоят одной ногой в старом мире и не полностью понимают происходящее.

«Встреча с Францией» — фильм одновременно традиционный и новаторский. Традиционный, ибо продолжает линию классического советского образно-публицистического фильма, новаторский — талантливая разработка приемов документального кино. Советское кино обогатилось новыми выдающимися произведениями киноискусства.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Те, кто не видит или не хочет понять чудесные перемены в мире, страдают удивительным отсутствием воображения. Возможно, потребуется еще какое-то время, пока писатели интуитивно и без всяких напряжений поймут все это. Доказательства правомерности подобных надежд перед нашими глазами.

Но это не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достоверно я могу говорить лишь о тех, что живут на Западе, — испугались этого нового развития промышленности и техники и обратили свои взоры назад, в более примитивные социальные системы. И все же эта новая, высокоорганизованная жизнь, в ходе которой производятся материальные блага в количествах, казавшихся немыслимыми еще тридцать лет назад, представляет собой уже сейчас, а в дальнейшем станет в еще большей степени, главной основой нашего социального существования. Писатели, отвечающие за эту жизнь, тем самым отвечаются за общество.

Мы еще не вполне отдааем себе отчет в том, чем является для нас промышленное развитие и чем оно в гораздо большей мере окажется для наших потомков. Многие писатели или художники — достовер

ЗА ТРЕТЬЕ ЛИЦО!

Я РАБОТАЮ в школе десять лет. Каждый год работы в школе — это, самое меньшее, четыре класса. Сто пятьдесят учеников. Нетрудно подсчитать, что за десять лет — полторы тысячи. Вот об этих полутора тысячах я хочу сказать.

Впрочем, нет. Не о полутора тысячах. Всего лишь о трехстах. Потому что в среднем всего лишь одна пятая часть класса имеет в свидетельстве о рождении прочерк против слова «отец».

И даже не о трехстах ребятах. Только об одном. О моем ученике Юрике, по прозванию Юпитер. Учителя говорят о нем: «светлый мальчик». Потому что он честен — и со старшими, и с товарищами. Потому что он первым приходит натирать пол в классе, а не выучив урока, признается в этом сразу, не пытается затянуть время и заморочить учителю голову. Потому что, разбив стекло, он встает и говорит: «Это сделал я». Потом что, когда в классе звучит музыка, он слушает ее, как никто другой. Потому, наконец, что ему рассказывают девочки о своих горечевиях. И мальчики остегаются обижать девочек: Юпитер этого не любит.

Вот этот Юрик-Юпитер пять раз подходил ко мне и не мог сказать, что ему нужно. А на шестой раз сказал:

— Если можно... Мне бы характеристику.

— Зачем?

— Ну, просто...

— Куда же ты хочешь сдавать характеристику среди года?

— Никуда. Просто так. Пусть легче жить дома.

— Ничего не понимаю. Зачем она будет лежать дома? Или ты ее наstellenко вовесишь?

Юрика молчал. И когда я, наконец, сообразила, что надо дать характеристику, не спрашивая, сказал:

— А вдруг мой отец когда-нибудь придет? Я сразу и покажу. А то он не знает меня...

Нет у Юрика отца. Вернее, отец есть. Но Юрика его не видел. В метрике у Юрика — прочерк. А он бы хотел послать отцу свою характеристику из школы — больше ничего. Ему надо, чтобы отец знал: выброс хороший сын. И может быть, покажет, что не знает его.

Ученик пятого класса, одиннадцати лет от роду, говорит учительнице:

— Чего вы от меня хотите? Я конченый! Нас в матери тре — и все неизвестно от кого. Мы с сестрой — от папы (мы его не знаем, конечно). А теперь еще четвертый — от дяди Валеры. Мы все — безотцовщина.

Хороша же мама! — скажет В. Беляев, поместивший в «Литературной газете» статью «Третье лицо». Я согласна с В. Беляевым, что мама нехороша. Я согласна, что таким мамам надо не сочувствовать, а учить их.

Но на это уйдет время, не месяцы — годы. А дети пока что вырастут с прочерком в метрике. Сознанием, что они — «безотцовщина». И поэтому меня интересует не мама, Я — за сестру и брата. Я — за Петью от дяди Коли и за четвертого — еще не родившегося — от дяди Валеры. Я — за Юрика-Юпитера.

Вот этот Юрик-Юпитер пять раз подходил ко мне и не мог сказать, что ему нужно. А на шестой раз сказал:

— Если можно... Мне бы характеристику.

— Зачем?

— Ну, просто...

— Куда же ты хочешь сдавать характеристику среди года?

— Никуда. Просто так. Пусть легче жить дома.

— Ничего не понимаю. Зачем она будет лежать дома? Или ты ее наstellenко вовесишь?

Юрика молчал. И когда я, наконец, сообразила, что надо дать характеристику, не спрашивая, сказал:

«Заполненная графа отца Да, это недопустимо потому, что ребенок ни в чем не виноват. Но Солженицын никогда не станет полным отцом, какие бы записи на него ни заводили».

Ларисы прочеркнута графа отца Да, это недопустимо потому, что ребенок ни в чем не виноват. Но Солженицын никогда не станет полным отцом, какие бы записи на него ни заводили».

Б. Беляев рассуждает здесь очень логично. И боюсь, что многие читатели согласятся с ним: разве от того, что в метрике появится три лишних слова, ребенок обретет отца?

Мы знаем детей, которые выросли без отцов, погибших на фронте. Они совсем не помнили своих отцов, эти мальчики и девочки тридцать девять и сорок первого года рождения. И часто матери их выходили потом замуж, а иногда вели себя, как бы Лариса П. или Гертруда М., которыми спрятано возмущение В. Беляева. Но дети знали: отец был, он погиб за Родину, он был солдат, он был человек. Мне возразят: нельзя же приравнивать Солженицын к людям, отдавшим жизнь на фронте. Это верно. Но ведь я ведь речь не об отцах, а о детях.

Для В. Беляева проблема сводится к выплате алиментов. Вероятно, это очень трудная проблема, если она до сих пор не решена. Но, право же, не она — главная для трехлетней Кати, живущей в Мурманской и придумавшей себе папу: «тетя Ниша из Ленинграда». Ребенку нужно знать своего отца. Хотя бы знать, кто он. Имя, отчество и фамилия. Невыносимо такое положение, когда мальчишка при слове «отец» вздрогнет, потому что стыдится называться товарищем никого отца нет.

В. Беляев пишет: «Закон в полном соответствии с жизнью точно определяет момент, когда женщина получает права женщины после регистрации брака, Ларисы должно именовать любовницей, заслуженной, кралей, но только же не заслуженной».

Меня интересует: как, по терминологии В. Беляева, следует именовать ребенка? Незаконным, подозрительным, на французский манер, бастиардом?

Может быть, В. Беляев думает, что дети не так тонко организованы, чтобы чувствовать себя оскорблеными?

В. Беляев пишет: «Закон в полном соответствии с жизнью точно определяет момент, когда женщина получает права женщины после регистрации брака, Ларисы должно именовать любовницей, заслуженной, кралей, но только же не заслуженной».

Меня интересует: как, по терминологии В. Беляева, следует именовать ребенка? Незаконным, подозрительным, на французский манер, бастиардом?

Нам хотелось бы продолжить разговор, начатый Карлом Марзани о романе А. Дюри, долго ожидавшем список бестселлеров.

Оговоримся сразу. Иногда среди крающихся в этом списке толстых надавлив, которым завалены книжные прилавки всех пятидесяти штатов, попадаются книги, заслуживающие серьезного и сочувственного внимания. Таков, например, роман известного американского писателя Джона Херса «Поклонник войны». Этот роман — автобиографический наставления. Конечно, подобное произведение не могло не найти живущего спроса. Но большая часть вышеупомянутых изданий такова, что по ним очень трудно судить о событиях, происходящих в мире.

И не то чтобы они обходили молчанием насущные проблемы современности. Бушует «холодная война» — пожалуйста, вот как «антисоветническая, вроде книги Джона Гантера «Россия изнутри». Может быть, вы бедны? Не хотите ли заработать миллион долларов? Вот прекрасное руководство по этому предмету. Вас интересуют международные отношения? Пончтайте, почитайте роман Аллена Дюри «Совет и Согласие».

...Президент США называет государственным секретарем Роберта Леффингвэла, который не хочет войны с Советским Союзом. Сенат, однако, не дал еще своего «совета и согласия» — традиционная формула одобрения в американском конгрессе — на кандидатуру «миротворца»: так со злой называют Леффингвэла сторонники «холодной войны». Вокруг нового назначения разгорается ожесточенная борьба, и «миротворца» так и не удалось утвердиться в должности. Он оказывается чуть ли не «агентом коммунизма», а поддерживающие его — «бесчестными политиками». Государственный секретарь становится сенатор Нокс, рьяный защитник балансирования «на грани войны».

Такой конец романа явно устраивает Аллена Дюри. Устраивает он и еще кое-кого из тех, кто распространяется в Америке военными монополиями, политикой, прессой. Именно эти реакционные силы протащили роман Дюри в «бестселлеры». Ведь не за художественные же достоинства он попал в их число. Таковых нет — это дружно признают все рецензенты. А ведь в Америке, как во всякой другой стране, пишут хорошие, интересные, доброкачественные книги. Но до широкого читателя голос писателей, не желающих приспособляться, извращая действительность, как правило, не доходит. Их книги почему-то очень трудно пробиться в бестселлеры. Эти книги не рекламируют так, как порнографическую «Лолиту».

М. ТУГУШЕВА

БЕСТСЕЛЛЕР НОМЕР ОДИН

В РЕДАКЦИЮ пришло письмо от прогрессивного американского писателя Карла Марзани. Он делится своими мыслями о романе журналиста Аллена Дюри «Совет и Согласие», получившем Пулитцеровскую премию этого года. Вот что пишет Марзани:

«Действие романа происходит в наше время в Вашингтоне и связано с политической борьбой, разгоревшейся между президентом и сенатом США из-за утверждения вновь назначенного государственного секретаря. Спорный вопрос заключается в том, не слишком ли «ярок» новый государственный секретарь по отношению к СССР. События, описываемые в романе, — дела рук четырех сенаторов: Боба Мунсона из Миннесоты, лидера большинства, Сиби Кули из Южной Каролины, Брайана Андерсона из Юты и Оррика Нокса из Иллинойса. Пятый сенатор — Ван Акерман из Вайоминга тоже играет важную роль в развитии фабулы. Некоторые из героев явнописаны с действительностью существующих лиц... Это складство, а также общие натуралистические подробности придают роману видимость достоверности. Эта имитация достоверности усиливается и тем обстоятельством, что характеры персонажей на первый взгляд кажутся сложными. У героев бывают минуты слабости, злодеи наделены некоторыми достойными качествами. И все же эта сложность оказывается поддельной, а достоверность романа сводится к поверхности, внешнему складству с Вашингтоном и его обитателями... В романе находит водится ослепительный блеск на американских сенатах и все американское общество, предстающее как самый лучший из миров.

Все сенаторы, за исключением Вана Акермана, воодушевляют в их действиях лишь высокие мотивы защиты республики. Нет ни обидного слова о макартуре, о присягах на лояльность, о гражданских правах, о взаимоуважении. У сенатора Кули из Южной Каролины — единственного южанина, обрисованного очень подробно, — не возникает ни единой мысли о неграх. Так и не изнашев, настроен ли он яростно антигегантски. Другие сенаторы, кроме Гертруды М., которых приводят в пример, — это единственные, кто вспоминает о сегрегации в школах, о машинах при голосовании — словом, о чем бы то ни было. Во время дебатов по внешней политике, по вопросу об утверждении государственного секретаря не проскальзывают даже намеки на те реальные явления, из которых складывается внешняя политика Соединенных Штатов. На шестистах с лишним страницах нет ни одного слова о нефти и Ближнем Востоке.

Автор мимоходом показывает работу одной-двух сенатских комиссий. Сенаторы оказываются рациональными без страха и упрека: если в Америке существует какое-то неблагодарное, то в этом повинно несколько плохих американцев, о которых говорится с неизменным презрением.

Чувствено, но принципу глаголением противопоставлено противодействием.

Идея романа полностью реакционна. Автор непрестанно подчеркивает мысль о том, что Советский Союз — абсолютное зло и вести переговоры с ним не следует...

Другие создают для себя определенную картину положения дел в мире и США, и если какой-либо факт в ней не укладывается, он попросту не принимает его во внимание, и в результате у читателя романа создается превратное представление о действительности... Надо обладать известной вдумчивостью, чтобы раскрыть всю искусственность ситуации, изображенной в книге... какими-то критериями для сравнения, привычкой различать и критиковать. Но эти качества встречаются в современной Америке все реже и реже...»

«Совет и Согласие» — фальшивый роман...» — так заканчивает Марзани свое письмо.

В. Набокова, по ним не ставят кинофильмов, как по «Анатомии убийства» Роберта Трайвера, и не дают премий Пулитцера (ни каких-либо других), как «Совет и Согласие» Аллена Дюри. Ведут симптоматично, что этой высокой премии не удостоились ни вышеупомянутый антивойнный роман Херса, ни роман У. Фолкнера «Особняк» — обе эти книги вышли тоже в 1959 году. И, конечно, не случайно, что еще в то время как глава Советского правительства готовился посетить Соединенные Штаты, газета «Нью-Йорк таймс» преподнесла роман А. Дюри как лучшее произведение сезона. Не случайно и то, что журналы «Сатердей ревью» и «Тайм» как раз перед визитом Н. С. Хрущева дали рецензии на роман Дюри, и это были благожелательные рецензии. Не случайно, наконец, что «Тайм» во время пребывания Н. С. Хрущева в Америке советовал американцам почитать этот роман. Помогите, какая это занятная книга, писал рецензент «Тайм». Автор предлагал читателю забавную игру «угадайку», «гадай» — когда напоминает президент с его «зараильским смехом», упорно настаивающий на кандидатуре «эрзя» Ленингвэла? Не Ф. Д. Рузвельт? А сенатор Ван Акерман? Да ведь это же покойный Джек Маккарти! А остальные сенаторы? Как чудесно, что они «ставят интересы родины превыше партийных интересов» и слахи не жалеют, чтобы убедить заслуживающегося президента не назначать государственным секретарем «мировую творческую».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих кругов Америки, которые стоят на позициях продолжения «холодной войны» и гонки вооружений. Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих кругов Америки, которые стоят на позициях продолжения «холодной войны» и гонки вооружений. Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих кругов Америки, которые стоят на позициях продолжения «холодной войны» и гонки вооружений. Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих кругов Америки, которые стоят на позициях продолжения «холодной войны» и гонки вооружений. Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих кругов Америки, которые стоят на позициях продолжения «холодной войны» и гонки вооружений. Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих кругов Америки, которые стоят на позициях продолжения «холодной войны» и гонки вооружений. Именно они, эти силы, властвующие над прессой, создали ей рекламу. Поэтому роман А. Дюри стал «бестселлером номер один», поэтому он неожиданно попадает, как предрекает рецензент из «Нью-риплабл», в число гигантских боевиков и в знаменитый своей ненавистью ко всему советскому писательскому «холодной войны».

Американская пресса не скрывает того, что роман написан с «правильными позициями». Если же говорить точнее, то следует сказать, что роман «Совет и Согласие» выражает надежду и устремления определенных руководящих